

А. Б. ДАВИДСОН. ПИСЬМА С МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.
М.: ВШЭ, 2017. 357 с.

© 2017

Ю. С. СКУБКО

Открывая эту книгу, я, будучи давно знаком с автором, определенно знал, что читать будет интересно, но не ожидал, что она меня так захватит и что я найду в ней немало пережитого и мной, и моими близкими в ушедшем веке. Чтение книг патриарха нашего востоковедения и африканистики, академика Аполлона Борисовича Давидсона, вне зависимости от того, чему или кому они конкретно посвящены, — это прежде всего роскошь общения с настоящей культурой и подлинной историей. Но здесь присутствует и нечто сверх того — наверное, и исповедь и проповедь, хотя Аполлон Борисович и от того, и от другого шутиливо открещивается.

В книге много хороших стихов. Открывая “книжный шкаф раннего детства — спутник человека на всю жизнь” (Осип Мандельштам) уже с первых страниц зовут в дальнее плаванье стихи Николая Гумилева (с. 11):

Жизнь — это плаванье
В дальние края.
Песни прощальные,
Гавани дальние.
В жизни у каждого
Сказка своя.

Признаться, и нам, научным работникам, порядком надоело читать сухие академические тексты, а тут: “...я не претендую на широкое академическое обобщение. Просто немудреный рассказ о том, что легло на душу... психогеография: как влияют на человека те места, где он живет, что он видит в своих путешествиях, и те, о которых думает, мечтает... Так уж получилось, что моя жизнь связана с дальним краем, мысом Доброй Надежды” (с. 11). Эту “морскую таверну” между океанами, “рай для белого человека” с мягким в отличие от тропиков климатом, прекрасными ландшафтами, богатейшими минеральными и биоресурсами, европейцы осваивали с 1652 г., оставив в наследие черному большинству, которое они, конечно, изрядно поэксплуатировали, самую успешную страну в Африке.

Серьезные обобщения в книге тоже есть. В повести писем с мыса Доброй Надежды много мудрости и много печали. Сказано, может быть, даже больше о русской интеллигенции с ее вселенской отзывчивостью, о судьбе наших соотечественников в далеком краю и в своей стране в наш жестокий век, чем собственно о проблемах ЮАР, хотя и через увиденное и прочувствованное там, на Юге Африки. Там, где Аполлон Борисович преподавал в университете, создал и возглавлял Центр российских исследований (1994–1998).

Читаю о первых встречах А. Б. Давидсона и И. И. Филатовой в ЮАР в декабре перестроечного 1989 года. «Главные вопросы: К чему это приведет? ...Чем это может кончиться?... А цепочка-митинг вокруг здания КГБ на Лубянке в День политзаключенных 30 октября, как это понять? И что такое общество “Мемориал”, которое этот митинг организовало?» (с. 35). Как током ударило — я же стоял тогда в этой цепочке и “заработал” 15 суток административного ареста, после чего меня, уже много лет “невъездного”, неожиданно выпустили на международную конференцию в Вену, как члена того самого “Мемориала”, созданного нами, неформалами, явочным порядком в 1987 г., “для

увекочивания памяти о жертвах репрессий”. Именно в те дни КГБ лишился права не выпускать.

В книге рассказывается еще о многом. О репрессированных востоковедах и разгроме Коминтерна в 1937 г., о возвращении репрессий и преследований (в частности, теперь уже и по “еврейской линии”) в послевоенные годы... Не разделяя ни одержимости Коминтерна мировой революцией, ни коммунистических идеалов вообще, автор по-человечески жалеет “мучеников догмы”, ставших жертвой века. Да, идеология, но главным оружием тоталитарного режима был страх: «Конечно, работали они в русле коммунистической идеологии. Целиком ли она соответствовала взглядам каждого из них, теперь уже не спросишь. Они постоянно находились под угрозой “чисток”, обвинений в троцкизме и разных “уклонах”» (с. 48).

Еще несколько цитат: “Отношение советского руководства к Африке поначалу проявлялось через деятельность Коминтерна. В Африке хотели разглядеть, а затем усиливать и направлять возможность участия в грядущей всемирной пролетарской революции... Южноафриканские коммунисты приезжали в Москву на все съезды Коминтерна... Сейчас трудно поверить, как много сотрудников Коминтерна занималось тогда изучением политических и социально-экономических проблем Южно-Африканского Союза... В 1937 г. кафедра (Африки.— Ю.С.) была закрыта, большинство ее сотрудников были репрессированы: расстреляны или оказались в лагерях ГУЛАГа... Коминтерн был создан не Сталиным, и Сталин никогда не считал его своим детищем. Не доверяя никому вообще, он особенно недоверчиво относился к иностранцам и к советским людям, которые общались с иностранцами, пусть даже и по долгу службы” (с. 44–47).

В послесталинский период — новый разворот. “В советской геополитике в 1956 г. ... внимание к Востоку и Африке резко возросло... Руководство СССР, наконец, осознано стремительно растущую роль стран Азии и Африки... Вот тут я почувствовал свою востребованность: все-таки, как-никак, занимался Африкой с 1948-го... До осени 1956-го я со своей Африкой был никому не нужен» (с. 43, 55, 56).

«Июль—август 1957-го... Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Сейчас трудно представить себе тот ажиотаж, тот восторг, который охватил тогда Москву... В центре внимания — африканцы. Большинство россиян никогда еще не видели человека с черной кожей. А тут сотни! Вокруг четвертого корпуса Ярославской гостиницы, где жили африканцы, постоянно толпа народа. Каких только казусов ни насмотрелся. Какая-то девушка кричала: “Хочу родить ребенка от негра!”» (с. 61).

А. Б. Давидсон рассказывает об Институте востоковедения АН СССР и создании Института Африки и о многом другом — через судьбы коллег и самого автора, родившегося в советской ссылке и прожившего очень нелегкую жизнь. И, конечно, органически вписываются в контекст культовые для нашей интеллигенции имена — Гумилев, Мандельштам, Пастернак, Ахматова, кумиры 1960–1970-х — Галич, Высоцкий, Окуджава, Вознесенский, Евтушенко, Рождественский. Ну и охаиваемые сегодня неосталинистами титаны нашего духовного сопротивления тоталитаризму — Солженицын и Сахаров (вспоминаю, что на рубеже 1980-х КПСС расшифровывали как “кампания против Солженицына и Сахарова”). И, конечно, наши и британские, и южноафриканские, любимые классики... Люди из уже, казалось бы, отдаленной эпохи, вдруг оказываются рядом. Мне довелось поработать в секторе Юга Африки Института Африки, куда я пришел юным аспирантом в 1975-м, с упоминаемой в книге и хорошо знакомой автору Ириной Павловной Ястребовой, изучавшей Южную Африку с конца 1930-х гг., чей родной дядя был в чекистском расстрельном списке 1921 г. рядом с поэтом Николаем Гумилевым.

Встречи в среде русской эмиграции в Южной Африке, в русском Центре и клубе, в скромных жилищах, а иногда и роскошных особняках эмигрантов — от несколько самовлюбленного, коммерчески успешного “южноафриканского Глазунова”, художника Владимира Третчикова до близких “злого гения” русской революции А. Парвуса.

Еще очень интересно про Дартмутские конференции с американцами, про Г. Арбатова, Е. Примакова, совсем простого и доступного миллиардера Д. Рокфеллера и многое другое. Интересны материалы об участии русских добровольцев в Англо-бурской войне 1899–1902 гг. на стороне героически сражавшихся с намного превосходящими силами Британской империи бурских республик. Не менее двухсот человек: “...в Южной Африке помнят о той помощи, которую оказывали россияне бурам во время англо-бурской войны: не только о Максимове (Е. Я. Максимов был заместителем начальника Иностранного легиона — добровольцев, которые приехали из Европы и Америки, потом командовал Голландским корпусом), но и о других добровольцах. И о русских врачах и сестрах милосердия...” (с. 218). Упомяну и будущего знаменитого думского деятеля А. И. Гучкова. На английской стороне служили Махатма Ганди (санитаром) и юный Уинстон Черчилль (лейтенантом). “С тех событий Англо-бурской войны началась карьера Черчилля, его восхождение к военной, а отсюда и к политической славе” (с. 302). Черчилль автору особенно интересен:

«Южноафриканская часть биографии Черчилля заслуживает, чтобы мы ее знали. Да, он был очень честолюбив... Да, вероятно, рассказывая о своих военных деяниях, он, бывало, преувеличивал свою роль. Но деяния действительно были. Было подлинное мужество... и мужество и находчивость в ситуациях, казалось бы, безнадежных. Была и правдивость, пусть и не всегда, как почти у каждого, тем более — у политического деятеля. Эти черты сохранились и потом. И через сорок лет, когда он принял бразды правления Британией, которая после разгрома Франции осталась одна перед фашистской Германией и всей завоеванной Гитлером Европой, Черчилль не только взял на себя тяжелейшую ношу. В своей “тронной речи” в палате общин 13 мая 1940 г. он обратился к своему народу совершенно откровенно: “Мне нечего предложить вам, кроме крови, труда, пота и слез”. А еще через два месяца, выступая по радио 14 июля заявил: “...война будет длительной и тяжелой”. Грустно проводить сравнение. Но Сталин обратился к нашему народу 7 ноября 1941 г. совсем иначе. Он сказал: “В Германии теперь царит голод и обнищание, за четыре месяца войны Германия потеряла четыре с половиной миллиона солдат. Германия истекает кровью... Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик, и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений”. Тут ведь не было ни слова правды» (с. 311–312). За последним исполном Британской империи Уинстоном Черчиллем в его богатом послужном списке были не только подвиги и правда веших слов, но и ложь и преступления против человечности. Впрочем, несравнимые со сталинскими злодеяниями, и здесь я солидарен в оценках с Аполлоном Борисовичем, значительная часть книги которого посвящена жертвам сталинского и не только сталинского террора в нашей стране, замученным и оклеветанным, — несть им числа.

При открытии Центра российских исследований Кейптаунского университета (“Университет — может быть, лучший в Африке. И старейший. Возник по образу и подобию английских” (с. 137)) 17 августа 1994 г., сразу после торжественной части с высокими гостями, здесь состоялась научная конференция “Россия в современном мире” вообще и в южноафриканском контексте. “В докладах и дискуссиях рассмотрены общие черты исторического развития России и ЮАР. Подчеркивалось, что в обеих странах долгое время господствовали тоталитарные и авторитарные режимы. Обе страны одновременно начали поиски путей демократического развития” (с. 136). В обеих странах удалось (в ЮАР во многом благодаря Нельсону Манделе) при изменении политической системы избежать массового кровопролития. Эта книга — еще и про южноафриканский урок миротворчества и национального примирения: «если бы Мандела, выйдя из тюрьмы, призвал африканцев к выступлению против белых, Южная Африка была бы разрушена расовой войной. И главным оружием Манделы были не пушки, а “любовь и способность пробудить любовь в других, даже в нас. Мы счастливы, что у нас такой благородный и достойный противник”. Так считает Риан Малан, автор

статьи, африканер, известный писатель, противник Африканского национального конгресса» (с. 324). Отбывавший пожизненный срок за то, что сегодня назвали бы терроризмом, Нельсон Мандела вышел из мест заключения не радикальным фанатиком, а умудренным страданиями гуманистом-миротворцем и настоял на прекращении вооруженного противостояния. Часто ли мы видим такое? Отдадим должное его памяти.

Большой гражданской войны удалось избежать, но подлинное национальное примирение в ЮАР, как и в нашей стране, пока не состоялось и состоится ли? Центр российских исследований сделал очень много для “наведения мостов” между нашими странами, народами, культурами, но был в 1998 г. закрыт после смены руководства Кейптаунского университета и “африканизации” системы высшего образования: “если какие-то неафриканские страны хотят, чтобы их тут поглубже изучали, то пусть такие страны и возьмут на себя расходы на это” (с. 321). Денег не дали, Центр закрылся, как и все остальные центры русского языка и культуры в ЮАР (еще не так давно их было четыре). Вообще все, что связано с материальным и духовным наследием “белой” цивилизации, сегодня не в чести в ЮАР и не только в ней. Под флагом борьбы с наследием колониализма и расизма сносятся памятники, сжигаются библиотеки, “защищаются” от европейской науки и культуры учебные программы, зашкаливает криминал, все чаще в последние годы убивают белых фермеров. Президент страны исполняет на партсобрании песню “Убей бура!” (Мандела, думаю, в гробу перевернулся). Кризис в образовании, кризис в медицине, кризис в управлении, стагнация, в общем – системный кризис.

Параллели в развитии наших стран очевидны и сегодня, но сегодня мы уже не воспринимаем их столь радужно, как в начале 1990-х: слишком явственны деградация и коррупция, громадное социальное расслоение. Распад СССР уже называют крупнейшей геополитической катастрофой XX в.: многовековую общность разрезали по живому. ЮАР, правда, не распалась, если не считать отделения Намибии, которая юридически и не была никогда частью этой страны, но социальных проблем не убавилось, а расизм меняет цвет. При всем этом, как отмечает автор, в ЮАР сохраняется реальная демократия. «Да, конечно, ЮАР не стала раем, – пишет А. Б. Давидсон, – выросла безработица, коррупция, преступность. А межрасовые распри, против которых страстно боролись Мандела и де Клерк и их сторонники? Взаимные расовые предрассудки не ушли в прошлое. Мечта о “радужной нации” не сбылась» (с. 326). Утешает, что могло быть и хуже. Там и здесь. А сегодня у нас, на радость отечественной интеллигенции, прибавилось еще одной замечательной книгой, помогающей восполнить дефицит добра и любви в этом безумном мире.